

Ольга Чернова

ВЕРНЫЕ ДО СМЕРТИ

Ольга Чернова

Верные до смерти

Православное издательство "Сатись"

2007

Чернова О. В.

Верные до смерти / О. В. Чернова — Православное издательство
"Сатись", 2007

ISBN 978-5-7868-0081-6

Книга «Верные до смерти» посвящена тем людям, которые разделили с Царственными Страстотерпцами их судьбу. Совокупность собранных автором документов и свидетельств позволяет увидеть глубину христианского смирения и высоту мученического подвига верных слуг Царской Семьи.

ISBN 978-5-7868-0081-6

© Чернова О. В., 2007
© Православное издательство
"Сатись", 2007

Содержание

От редакции	6
90 лет со дня отречения Государя Императора Николая II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Чернова

Верные до смерти

По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА

От редакции

Книга «Верные до смерти» выходит в дни, когда произошло давно ожидаемое, знаменательное событие: в Москве, в храме Христа Спасителя, подписан Акт о каноническом единстве двух частей Русской Православной Церкви.

Зарубежная Церковь, окормляя русских людей, в рассеянии сущих, всегда свято хранила память о мученическом подвиге Царской Семьи и её верных слуг. В основе мотивов, которыми руководствовалась Зарубежная Церковь, канонизируя верных слуг Царской Семьи, лежит понимание христианской сути их мученического подвига. Люди, оставшиеся верными своему долгу и присяге, оказались способны явить верность Христу, разделив с Царственными Страстотерпцами их Крест, пройдя до конца весь путь страданий и любви.

Мы помещаем в книгу икону Новомучеников и Исповедников Российских, которую благословил Зарубежный Собор. С молитвой и упованием мы обращаемся к сонму мучеников Российских, надеясь на их предстательство у Престола Божия.

90 лет со дня отречения Государя Императора Николая II

Государь отверг себя, взял крест свой и последовал за Христом. И как он был одинок! В этом ведь тоже глубокая хриstopодражательность его подвига. Он до конца пронес крест своего царственного служения, до тех пор, пока все кругом не восстало против него в подлом изменническом бунте, и дальнейшее его царское крестоношение потеряло смысл...

Владыка Нафанаил (Львов)

Непереносимо тяжело углубляться в историю последних месяцев жизни Царской Семьи. Вокруг Государя – трусость, измена, ложь. Тех, кто предал – много. Тех, кто мучил, издевался и убивал – много. И потому так хотелось узнать о других, немногих, кто остался верен до конца. Утешиться тем, что Семья не осталась в полном одиночестве, что рядом были люди, которые скрасили и разделили с Ними страдания последних 17 месяцев жизни.

Путь самоотречения каждый из них не только завершил, но и начинал с личной жертвы: доктор Боткин оставляет своих детей круглыми сиротами, ему было некому, кроме Бога, поручить их; воспитатель Цесаревича Жильяр и учитель Гиббс, швейцарский и английский подданные, вместо возвращения на родину едут в такую страшную для любого иностранца Сибирь; молодая графиня Тендрякова, оставив за воротами Александровского дворца богатство, родных, шанс на спасение, счастлива, что успела стать арестованной. У них у всех нашлись бы причины покинуть Семью, и, конечно, Царственные Узники поняли бы их и благословили. Но в том-то и дело, что эти люди не раздумывали ни минуты – высший долг вел их и был сильнее родственных связей, ностальгии или любых других, по-человечески извинительных обстоятельств. Ради Святой Семьи они не только предпочли заключение – свободе и смерть – жизни, каждый из них стремился принять на свои плечи краешек Их Креста.

За близость к Августейшей Семье большевиками были убиты: фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, доктор Евгений Сергеевич Боткин, комнатная девушка Анна Степановна Демидова, дядька Наследника Клементий Григорьевич Нагорный, камердинер Иван Дмитриевич Седнев, камердинер Алексей Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов и, вероятно, много других, о которых мы еще не знаем.

Оставшиеся в живых после событий 1918 года, баронесса София Карловна Буксгевден, преподаватели Пьер Жильяр и Чарльз Гиббс, камердинеры Алексей Андреевич Волков и Терентий Иванович Чемодуров, учительница Клавдия Михайловна Битнер и полковник Евгений Степанович Кобылинский свидетельствуют, как сильны христианской верой, верой своего народа, были Царственные Мученики и как «положили душу свою за други своя» не покинувшие Их приближенные.

* * *

16 марта 1917 года в Александровском дворце узнали об отречении Императора. Вечером того же дня ужасную весть, которую Государыня поначалу приняла за очередную «гнусную сплетню», подтвердил Великий Князь Павел Александрович. Граф Бенкендорф, находившийся рядом с Императрицей в тот момент, говорил впоследствии: «Какое величие души... это один из тех характеров, которые с особой силой проявляются в минуту бедствия».

В течение последней недели революционные волны неуклонно подкатывались к дворцу, грозя захлестнуть его. 13 марта угроза стала реальностью. Дворец оказался на осадном положении. Гарнизон Царского Села, в чьей преданности была уверена Императрица, примкнул к мятежникам, освободил из местной тюрьмы заключенных (в ней содержались в основном мелкие уголовники) и разгромил винные лавочки. Затем разномастная толпа в несколько тысяч человек, разогретых разлившимся морем вина (в прямом смысле) и непрекращающимися митингами, с беспорядочной стрельбой двинулась к Александровскому дворцу, вознамерившись захватить Императрицу и Наследника и передать их в революционный штаб Петрограда.

Государыня, чтобы заранее успокоить больных Детей, если мятежники бросятся на штурм дворца, предупредила Их, что в Царском военные маневры и выстрелов пугаться не надо. Потом, обсудив ситуацию с графом Апраксиным и генералом Ресиныным, набросила поверх платья сестры милосердия меховой плащ и в сопровождении Великой Княжны Марии Николаевны отправилась к постам дворцовой охраны.

В полной темноте Императрица и Ее Дочь обошли защитников дворца: два батальона Сводного полка, батальон военно-морских сил, два казачьих эскадрона и военно-полевую батарею под командованием графа Ребиндера, выстроившихся в несколько линий боевого порядка. Государыня благодарила их за верность своему долгу, но просила не провоцировать наступавших, чтобы избежать кровопролития.

Бенкендорфы, граф Апраксин и Иза Буксгевден провели эту ночь в комнатах Императрицы. Государыня, возвращаясь от больных, успевала успокоить старую графиню Бенкендорф, принести дамам подушки и одеяла из собственной спальни, обеспечить на случай бессонницы взволнованную графиню Бенкендорф фруктами и печеньем.

Атаки не было. Мятежники поверили слухам, что во дворец стянуты значительные силы, а на крыше установлены пулеметы, и решили подождать.

Вновь реальная угроза нападения возникла после 17 марта. Несколько ночей во дворце не спали. И почти не ели. Если перед запертыми воротами останавливались грузовики с солдатами, поднималась суматоха.

Дворец после отречения Государя остался практически без охраны, разбежалась большая часть прислуги. С Императрицей остались члены личной свиты и несколько слуг. Подходили к концу запасы продовольствия. Водопровод отключили в первые дни мятежа, воду доставали, разбив лед в пруду.

Защищать Императрицу и Детей прибыли адъютанты Императора, граф Адам Замойский и Александр Николаевич Линевиц, полковник лейб-гвардии Конной артиллерии. Графа Замойского заставили оставить дворец, отозвав приказом из Ставки. Линевица арестовали, когда на автомобиле с белым флагом он пытался пробиться в Петроград, чтобы просить Временное правительство обеспечить безопасность Семье.

Та же судьба постигла других должностных лиц из Царского: князя М.С. Путятина, генерала Добровольского и полковников Герхарди и Гротена. Они были отправлены в Петропавловскую крепость.

20 марта из Петрограда прибыл адъютант Императора капитан Д.В. Деи, чтобы сообщить Государыне, что он и его жена, София Владимировна, готовы переехать во дворец и предоставить себя в Ее полное распоряжение. Государыня с радостью согласилась, капитан Деи немедленно отправился за женой и, едва выйдя из дворца, был арестован.

Болезнь Детей в эти дни достигла пика. Царевна Мария Николаевна, единственная, кого обошла корь, тоже почувствовала себя «совсем не в форме», но скрывала свое состояние ради Государыни. Она надеялась продержаться «до тех пор, пока не вернется Папа», но за день до Его возвращения слегла с двусторонним воспалением легких. С температурой выше 40, задыхаясь, самоотверженная и еще такая юная Царевна, признанная русская красавица, в бреду пыталась спастись от солдат, которые шли убивать ее и ее Мать.

При таких обстоятельствах фрейлина София Карловна Буксгевден, граф Павел Александрович Бенкендорф и граф Апраксин отправились к Императрице, чтобы заверить ее в личной преданности. Александра Феодоровна приняла их в классной комнате Дочерей. Она стояла с трудом, опираясь одной рукой на стол, другую взял в свои граф Бенкендорф. По его обычно бесстрастному лицу катились слезы. Иза Буксгевден сумела пробормотать несколько бессвязных слов любви и признательности.

«Это выше нас. Это воля Бога. И Господь спасет Россию. Это единственное, что имеет значение», – говорила Императрица. Прежде чем закрыть за собой дверь, придворные увидели, как Она опустила на стул и, закрыв лицо руками, зарыдала.

Вечером 5(18) марта 1917 года Совет Министров Временного правительства постановил: арестовать Государя, Семью и придворных, которые пожелают остаться при Них, и заключить всех в Александровском дворце Царского Села. Арест Государыни и Детей в Царском и Государя в Могилеве было решено произвести в один день – 8(21) марта.

21 марта командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Корнилов объявил Императрице о Ее аресте. Александра Феодоровна выслушала генерала с царскими орденами. Долго молчала. Позже сказала: «Не ведает, что делает. Бог ему судья».

Единственное, о чем просила Императрица Корнилова – не лишать больных Детей врачебной помощи и оставить во дворце тех слуг, к которым Они привыкли. Еще Она просила возвратить свободу арестованным, и обеспечить работу Ее госпиталей и санитарных поездов. Корнилов позволил посещать Детей врачам исключительно в сопровождении охраны, а из прислуги оставил тех, кого пожелал сам. Сводный полк, охранявший Александровский дворец, в этот же день был заменен революционными войсками.

Через несколько часов под самыми окнами дворца вновь заступивший часовой убил любимую ручную козочку Наследника.

Придворных, находившихся во дворце, генерал предупредил, что, если хотят остаться с Арестованной, пусть решают сейчас же: «Потом во дворец уже не пушу».

Выбор предстояло сделать: статс-даме Елизавете Алексеевне Нарышкиной; фрейлинам: графине Гендриковой, баронессе Буксгевден и Юлии Ден, гофлектрисе Шнейдер, обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу, заведовавшему благотворительными делами Государыни графу Апраксину, командиру Сводного Его Величества полка генерал-майору Ресину, лейб-медику Их Величеств Боткину, врачу Наследника доктору Деревенко, наставнику Наследника Пьеру Жильяру и Анне Александровне Вырубовой.

Был ли этот выбор одинаково нелегким для всех? Отнюдь нет. Для большинства из них его не существовало. Но первые весенние дни 1917 года обернулись своеобразным «детектором лжи» для ближайшего окружения Царской Семьи. Они высветили и навсегда разделили тех, кто остался верен Богу и совести, и тех, кто «струсил, изменил, солгал».

После отречения

Сразу ушел генерал Ресин. Через три дня – граф Апраксин. Он доложил Государыне, что все дела во дворце закончил, попросил отпустить его к семье и немедленно уехал из Царского. Не позволили остаться во дворце княгине Оболенской, бывшей фрейлине Императрицы.

Не по своей воле покинули дворец: в конце марта Вырубова и Деи, которых отправили в Петропавловскую крепость; 14 мая старушка Нарышкина, увезенная в госпиталь с крупозным воспалением легких, и граф Бенкендорф, у которого заболела жена.

Оставшиеся подлежали тому же режиму, который устанавливался для Августейшей Семьи: полная изоляция от внешнего мира, выход из дворца в парк или на садовые работы два раза в день в сопровождении часовых; цензура переписки (каждое письмо прочитывается не только комендантом, но дежурным офицером и даже солдатами), редкие свидания с родными по личному разрешению Керенского также в присутствии часовых. Свидания с родными разрешались Керенским лично и только в исключительных случаях: например, князь Долгоруков и графиня Гендрикова перед отъездом в Сибирь встретились с братьями; баронессе Буксгевден разрешили повидаться с больной матерью, а после ее смерти – с отцом. Встречи проходили в караульной, в присутствии конвоя и представителя Совета рабочих депутатов.

Слуги, считавшиеся свободными гражданами, права покидать дворец не имели, но в определенные дни встречались с родственниками. Других ограничений и вмешательства новой комендатуры во внутреннюю жизнь арестованных не допускалось.

Генерал Корнилов, закрывая за собой двери Александровского дворца в 4 часа дня 8(21) марта, одновременно открывал начало первого этапа на пути Государя Императора Николая II и Его Августейшей Семьи к Дому Ипатьева.

Справедливости ради, стоит отметить, что впоследствии «он не мог простить себе своего постыдного поведения при аресте Царской Семьи. Он ждал себе возмездия за это и говорил близким людям, что рад будет искупить свою невольную вину смертью» (Ф. Винберг).

Государь в эти дни прощался с армией. Спокойно («одному Богу известно, чего стоит Ему это спокойствие» (И.А. Павлов)), ясно и отчетливо сказал последние слова. В зале Управления дежурного генерала обошел присутствующих, каждому подавая руку. Кто-то плакал, кто-то не мог сдержать рыданий, двое или трое упали в обморок. Когда нервное напряжение

достигло предела, Государь, «несмотря на свое сверхчеловеческое обладание, не желая подвергать присутствовавших дальнейшей нравственной пытке, – прекратил обход и быстрыми шагами вышел из зала» (Е.Е. Алферьев).

Перед Императором – его краса и гордость, его чудо-богатыри: гвардия, военное дворянство, тысячи вооруженных. Но... чего же они ждут? На что способны, кроме слез и обмороков, в эту страшную, судьбоносную для России минуту? «Ни одна рука не вцепилась в эфес, ни одного крика “не позволим”, ни одна пашка не обнажилась, никто не кинулся вперед, не нашлось ни одной части, полка, корпуса, который в этот час ринулся бы сломя голову на выручку Царя, России... Было мертвое молчание» (Н.А. Павлов).

Из дневника Государя: «8-го марта. Среда. Последний день в Могилеве. В 10 ч. подписал прощальный приказ по армиям... Простился со всеми чинами штаба и управлений... с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка – сердце у меня чуть не разорвалось!.. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо».

Государь прибыл в Царское Село 9(22) марта в 11 часов 30 минут. На подходе к Царскому Он простился с придворными и прислугой поезда, поблагодарил гофмаршала князя Долгорукова, начальника походной канцелярии генерал-майора Нарышкина, флигель-адъютанта герцога Лейхтенбергского, флигель-адъютанта полковника Мордвинова и других за верную службу, пожелал всем добра и закончил словами: «До свидания...» Но сразу же поправил себя, сказав: «Прощайте!» Не хотел Он ни обманываться, ни обманывать в такую тяжелую минуту.

Правда слов Государя немедленно подтвердилась.

Встречать поезд на вокзал прибыл только полковник Е.С. Кобылинский, комендант Александровского дворца. Из воспоминаний Кобылинского: «Когда подошел поезд, Государь вышел из вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков... Я не могу забыть одного явления. В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают... Прекрасно помню, что так удирал генерал-майор Нарышкин и генерал-майор Цабель. Сцена была весьма некрасива».

Во дворце на вопрос Государя о свитских камердинер А. А. Волков в точности передал Ему слова графа Бенкендорфа: «Не приехали и не приедут». «Бог с ними», – ответил Царь. Он всегда умел скрывать свои чувства. «А Мордвинов, – отметил Волков, – был одним из любимых Государем флигель-адъютантов».

Почти мгновенно напрочь забыто то, что сформулировал некогда владыка Антоний (Храповицкий): «От верности Царю меня может освободить только Его неверность Христу».

Генерал А.А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства Императорского Двора, писал: «Окружение Царя производило впечатление тусклости, безволия, апатичности и предрешенной примиренности с возможными катастрофами. Злой рок как будто преследовал все новые назначения. Честные люди уходили, их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе».

Приходится признать правоту Керенского, кричавшего, что поздно господам монархистам разыгрывать рыцарей, верных долгу: «...Монархисты предали своего Монарха. Если бы нашелся хоть один верный долгу полк, от нас тогда ничего бы не осталось. Государь остался без верноподданных. Пролетарствовав 23 года, Он очутился в жутком, нечеловеческом одиночестве».

Укорять Государя, что Он не предусмотрел предательство окружения, по словам И.Л. Солоневича, можно с такой же степенью логичности, как «поставить упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»

Оснований считать, что Государь не разбирался в людях, также нет: просто жертвовать собой способны единицы. Рядом с Царем их, действительно, осталось мало. Но это было золото, которое прошло очищение огнем. Государь о них говорил: «Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают. Жаль Родину и народ!»

Сам Он, завершая свое работничество во имя России, не питая никаких иллюзий о том, что Ему уготовано, сдаваться не помышлял. В родном Царском Он готовился к своему последнему, личному бою, к сражению, которое потребует всех нравственных сил, чтобы выстоять перед врагами, погубившими Его страну и народ. Выстоять даже ценой жизни любимой Семьи.

Дорогого стоит признание М. Кольцова, пришедшее из стана лютых врагов Государя и России и перечеркивающее их же измышления: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая... Единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили».

Один старый солдат в те дни сказал, что желал бы отлить золотой памятник Николаю II. И не побоялся разъяснить набычившимся красным «товарищам»: «За то, что умел 22 года управлять такими ослиами, как вы».

Не одно поколение в будущем будет задаваться вопросом: почему многомиллионная Россия не вступилась за своего Монарха и Его Семью, как могла отдать Их на заклятие?

«...Память о Царственных Узниках и Святых Страдальцах, брошенных нами на произвол судьбы... и скорбные Лики Их, виденные мною в последний раз в Тобольске, будут мне на всю жизнь укором... Не так должны были [мы] отнестись к Ним, не такой помощи ждали Они от нас!.. И мы должны признать, что присяги, данной Им на Кресте и Святом Евангелии, мы не сдержали, и за это преступление Русский Народ сторицей расплачивается, десять лет пребывая во власти болыневицкой тирании, а мы, беженцы из родной земли, в голоде, холоде и нищете прозябаем на чужбине!!!» (корнет Марков, «маленький Марков», как называли его в Царской Семье).

В своем, «полностью отрезанном от мира» Александровском дворце (именно так заявила телефонистка Изе Буксгевден, когда та пыталась дозвониться одной даме, чтобы от имени Императрицы поблагодарить за сочувствие к больным Детям), Они ни словом, ни взглядом не осудили тех, кто бросил их на произвол врагов. Их чувства, горечь, разочарование навсегда остались Их тайной.

Государыня, с ее искренней верой в благородство человеческой природы, внезапное молчание адресатов (Им перестали отвечать на письма) объясняла тем, что люди боялись своей преданностью причинить еще больший вред Ей или Императору. Из членов Императорской фамилии переписка у Семьи завязалась только с матерью и сестрами Государя – Императрицей Марией Феодоровной и сестрами Государя, Великими Княгинями Ксенией и Ольгой Александровной. Не боялись навещать Государыню греческая королева Ольга Константиновна, ее племянница Елена Петровна Сербская (супруга князя Иоанна Константиновича, алапаевского новомученика) и Великий Князь Павел Александрович (новомученик, расстрелянный в Петропавловской крепости в январе 1919 г.). Великий Князь и его супруга, княгиня Палей, предлагали Императрице, если Она уедет из России, воспользоваться их домом в Булони.

Изредка приходили сочувственные письма от незнакомых людей. Однажды Государыня получила икону, на которой была написана краткая молитва и на обороте – имя дамы, пославшей ее. По словам баронессы Буксгевден, невозможно было без слез смотреть, с какой благодарностью откликалась Императорская чета на редкие изъятия участия.

А на стол коменданта сваливались сотни оскорбительных пасквилей и газет, которые охрана, если комендант не успевал перехватить или слуги спрятать, с удовольствием передавала «по назначению».

«Защитники» дворца не уставали изобретать для Узников всяческие мелкие неприятности и унижения, переносить которые подчас было труднее, чем более серьезные.

Жарким летним вечером часовой приказал баронессе Буксгевден и Великой Княжне Татьяне Николаевне, сидевшим на подоконнике и читавшим вслух, «убрать отсюда рожи, или я стреляю». Баронесса возразила, что до сих пор окна разрешалось открывать, да к тому же очень жарко. Солдат заорал, что приказывает окно закрыть, или он выстрелит.

Любимые Государыней цветы, изобиловавшие во дворце в любое время года, были изгнаны – как роскошь, непозволительная для заключенных. Поэтому праздником становились для Нее несколько цветков или веточка сирени, принесенные слугами, имевшими право выходить за пределы участка, огороженного для Семьи и придворных.

Государыню лишили возможности выходить на балкон, примыкавший к Ее покоям. Двери на него стража заколотила.

Семью заставляли, как надоедливых просителей, подолгу стоять у запертых выходных дверей, ожидая, пока их отопрут – только тогда они могли выйти на прогулку. Однажды ключ «не нашли», и всем пришлось вернуться в комнаты.

В парке позади Императора всегда следовал вооруженный до зубов отряд со штыками наготове.

И уж вовсе не имела границ бдительность охранников по предотвращению возможных заговоров: вскрывали каждую посылку, разрезали тюбики с зубной пастой, разламывали на мелкие кусочки шоколадные плитки, обыскивали даже простоквашу. В процедуре осмотра белья из прачечной присутствовала вся охрана без исключения (ГУЛАГовским вертухам было у кого поднабраться опыта).

Изнывая от безделья, одурманенные безнаказанностью, солдаты перестреляли в парке ручных ланей и лебедей, шатались по дворцу, с руганью врываются в комнаты Цесаревича и Великих Княжон. Князю Долгорукову приходилось оборонять от их вторжения комнату Государыни. Напротив окна Ее гардеробной установили пост, и Государыня изыскивала разные способы, чтобы скрываться от хамски-любопытствующих глаз.

Придворные не осмелились жаловаться, когда ночью исчезли их ботинки, выставленные за двери комнат, а у баронессы Буксгевден были украдены все золотые и серебряные вещи. Они молчали, чтобы не вызвать еще большего озлобления солдат и не угодить в тюрьму за то, что посмели усомниться в честности революционной армии. Совсем недавно, 28 сентября 1916 г., Государь говорил послу Палеологу: «...Как чудесен русский солдат! Я не знаю, чего нельзя было бы с ним достигнуть. И у него такая воля к победе, такая вера в нее!»

Придворные устроились в комнатах, принадлежавших прежде фрейлинам. Столовая и гостиная были общими. Столовались двумя группами: в одной – Бенкендорфы, князь Долгоруков и фрейлины; в другой – Жильяр и доктора. Семья обедала вместе с выздоравливавшими больными. Повар ежедневно получал от солдат продукты. Пищу готовили самую простую, фрукты, например, были запрещены, так как в тюрьмах арестованным они не положены. А в начале июня правительство известило графа Бенкендорфа, что отныне оплачивать издержки по столу Арестованных должны сами Арестованные, иначе со стороны совдепов последуют неприятности.

Граф негодовал: скромное меню и личные траты Семьи сокращались, так как Их средства были невелики и из них выдавались многочисленные пособия, а Керенский с кучей прихлебателей обожал завтракать в Большом дворце Царского Села, и заказывал там лучшие вина из Императорского погреба.

Невыразимо грустны в Александровском дворце были вечера. Придворные, искушенные в светском этикете, прекрасно умеющие поддержать любой разговор, умеющие владеть собой в любых обстоятельствах, с трудом находили общие темы. Новости из внешнего мира почти не поступали, а то, что волновало всех – очередные безобразия солдат, их громкие рассуждения

о том, что Императора следует отдать под суд или рассказы об арестах и убийствах офицеров, знакомых, родственников – не обсуждалось.

Граф Апраксин: «...После обеда все, кроме врачей, собрались у графини Бенкендорф. В 10 часов 15 мин. вошли Их Величества... Разговор поддерживал Государь, Императрица почти все время молчала. Человек, не посвященный в события, не догадался бы, что в эти часы небывалые душевные муки терзают каждого из присутствующих. И хорошо, что разговор шел о постороннем. Несколько раз судорога сжимала горло, и надо было употреблять величайшие усилия, чтобы не разрыдаться, глядя на чудные, ласковые Царские очи...»

Жильяр: «Всегда то же спокойствие, та же забота быть ласковым с теми, кто разделяет Его несчастье. Он для нас пример и нравственная помощь».

Императрица, очень похудевшая и постаревшая за эти дни, «держалась героически – как и в первые дни революции, когда Ей и Детям угрожала постоянная опасность. Мужество никогда не покидало ее, и Она старалась поддержать и подбодрить тех слуг, которые были напуганы или подавлены событиями» (баронесса Буксгевден).

1(14) августа Царская Семья была отправлена в ссылку.

Они очень надеялись, что их повезут на Юг, в Крым. Но когда было приказано взять теплую одежду и запас продовольствия на пять суток, они догадались, что впереди – Сибирь.

«Судьба Царской Семьи – это, может быть, единственное, в чем Временное правительство действовало вполне логично. Отсюда и Тобольск – подальше от центра, в глушь, по мере возможности, в забвение, хотя бы и временное. Тень Царской Семьи стояла не только “угрызением совести”, она стояла личной угрозой для всех участников Февраля – эту угрозу нужно было убрать подальше. В этом были единодушны все – от генералов до социалистов. И именно поэтому никто не позаботился о Царской Семье – ни в Царском, ни в Тобольске» (И. Соловьев).

Все так, но просматривается еще одна причина ссылки Царской Семьи именно в Сибирь, признаться в которой постеснялись и князь Львов, и Керенский, но которая просвечивает сквозь словесные хитросплетения их мемуаров. Они не смогли преодолеть искушения использовать шанс, который преподнес им древний искуситель: низвести Помазанника Божиего до уровня обычного преступника, т. е. оправдать этим собственный уровень. А помогало оправдать – как данное злодеяние, так и само свержение Царя, которые обосновать законным путем было невозможно – укоренившееся в сознании народа представление о Сибири, как месте для заслуженно наказанных.

Так Временное правительство открывает второй этап на Их пути к Ипатьевскому дому.

О том, что местом ссылки определен Тобольск, Керенский сообщил буквально накануне отъезда. Он был предупредителен, старался выполнить мелкие просьбы. Разрешил Государю проститься с Великим Князем Михаилом Александровичем. Но не смог удержаться, показал, кто теперь в доме хозяин, – не позволил встретиться с ним Государыне, хотя был с Ней подчеркнуто любезен. Натуру не переделаешь – Керенский не упустил случай отплатить Императрице: с первого посещения дворца он совершенно терялся в Ее присутствии. Привычная маска а la Napoleon неудержимо сползала, а то неприглядное, что тщательно укрывалось за ней – мстительность, амбициозность, неуверенность, – прискорбно обнаруживалось.

Няня Детей Теглева: «Я видела лицо Керенского, когда он шел к Их Величествам: противоположное лицо: бледно-зеленое, надменное... Я видела Керенского, когда он уходил: сконфуженный, красный; он шел и вытирал пот с лица». Но проходит три недели, и 25 апреля Жильяр записывает в дневнике: «Он уже не принимает позы судьи. Я уверен, что он подпадает под нравственное обаяние Государя; это случается со всеми...» Керенский даже просил газеты прекратить травлю, которую они вели против Их Величеств.

В вечер отъезда он суетился, без конца повторял, что Семья в Тобольске не должна испытывать никаких лишений и вмешательства в свою жизнь. С преувеличенной непринужденно-

стью пожал руки Великим Княжнам, поцеловал руку Государыни, а Государю сказал: «До свидания, Ваше Величество»(!) Нервозность премьера дошла до смешного: прощаясь с Семей, он зачем-то уверял Их всех, что очень хорошо спал. «Это была неправда, – замечает Бенкендорф, – так как он провел ночь, волнуясь, как черт перед заутреней, и была даже минута, когда он отчаивался в возможности отправить Императора».

Дети перед отъездом горько плакали, а Их Родители говорили: «Мы готовы все перенести, если это нужно для блага России».

Последняя ночь в родном доме прошла грустно и тяжело. Доктор Боткин ходил от одних к другим с бутылочкой капель и всех утешал. «Какое страдание наш отъезд. Все уложено, пустые комнаты. Так больно...» (из письма Государыни Вырубовой).

Начальником Отряда охраны Царской Семьи Керенский назначил полковника Е.С. Кобылинского, а его помощником – комиссара по гражданской части П.М. Макарова, любившего представляться социалистом-революционером. Это заявление повергало всех в величайшее недоумение. Когда Макаров, высокий, с тонкими чертами красивого лица и полированных ногтями, прекрасно одетый, не преминул проинформировать о своей политической продвинутости Илью Леонидовича Татищева, тот засмеялся и сказал: «Вы такой же социалист-революционер, как и я». Макаров из-за подобных пустяков копыя ломать не стал, а стал с исключительным вниманием помогать Семье собираться в дорогу. Советовал запастись книгами, подписаться на газеты и журналы, захватить все возможные вещи и любимые безделушки.

Вернувшись из Тобольска в Петроград, он сказал уезжавшей к отцу Татьяне Боткиной: «Пожалуйста, передайте всем в Тобольске, что я всегда готов к их услугам и буду рад помочь им, в чем только возможно».

Отъезд был назначен на 1 час ночи, а выехали около 6 часов утра. Царскую Семью провожали граф и графиня

Бенкендорфы, баронесса Буксгевден, которую задержала в Петрограде болезнь, и несколько слуг.

Искренние друзья, как известно, узнаются в скорбях. За день до отъезда, 31 июля 1917 г., командир 2-го Гвардейского стрелкового запасного полка полковник Н.А. Артабалеvский приехал попрощаться с Царской Семей в Александровский дворец. В коридоре встретил доктора Боткина, который подошел, нервно сжал руку полковника и проговорил: «Нет никакой возможности повидаться. Они поручили мне обнять вас». Не сдержав слез, доктор порывисто обнял полковника и быстро ушел.

Некоторым людям все же удалось проникнуть к Семей. Но им приходилось действовать в обстановке сугубой секретности. Так, пока капитан Владимир Николаевич Матвеев, дежурный по караулам Царского Села, прощался с Их Величествами, Цесаревич и Царевна Ольга Николаевна стояли на страже в обоих концах коридора. Государыня благословила его образом. Государь подарил свою фотографию и сказал, что «нарочно не написал числа, чтобы вам, в случае чего, не было лишних неприятностей». Уходя, Матвеев встретил Царевну Марию Николаевну и поцеловал Ей руку. Это увидел караульный начальник Кузьмин и пригрозил капитану преданием суду.

Тот же Кузьмин пообещал арестовать полковников Артабалеvского и Кушелева, командира Императорских стрелков, если они приедут провожать Семей на вокзал. Офицеры выслушали... и поехали на вокзал. Они прорвались через все заслоны и остались ждать. И дождались...

Дальше рассказывает сам Николай Александрович Артабалеvский: «Царская Семей медленно перешла пути и двинулась по шпалам к своему вагону. А на другой стороне путей стояла молчаливая, неподвижная толпа и броневик. Царская Семей начала свой страдный путь, и толпа русских людей, их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и

тишиной. Увидев благословляющую руку Государыни, Кушелев и я сняли фуражки, склонили головы, а потом, точно сговорившись, направились к вагону... Я шел, совершенно не думая о последствиях этого шага... Сила, ведшая меня к моему Государю, была неизмеримо сильнее всяких посторонних влияний...

Поднявшись, я увидел входящего Царя. Кушелев бросился перед ним на колени. Государь, обняв его, поцеловал и протягивал мне руку... Бледное лицо Государя и его незабвенный взор навсегда останутся в моей памяти. В необъяснимом порыве я припал головой к его плечу. Государь позволил мне побыть так несколько мгновений и сказал нам: «Идите, иначе может быть для вас обоих большая неприятность. Спасибо вам за службу, за преданность... за любовь к нам... от меня, Императрицы, моих Детей... Служите России так же, как служили мне... Верная служба родине ценнее в дни ее падения, чем в дни ее величия... Храни вас Бог...» Еще раз Государь одарил нас Своим незабываемым взглядом и скрылся в вагоне... Молчаливая толпа смотрела и точно чего-то ждала. Поезд медленно тронулся. Людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного возгласа, без одного всхлипывания. Видел ли Государь и его Августейшая Семья этот молчаливый жест народа, преданного, как и Они, на Голгофское мучение иудами России? Жест, полный мистической священной тишины, безусловной любви, последнее «прости». Жест единения в предстоящих муках... В это же раннее утро на малом пруду Царскосельского парка, взлетая над водой, раскрыв широкие крылья и подняв вверх кроваво-красные клювы, пели черные лебеди. Это были протяжные, певучие вскрики тоски, безысходной печали, рыдания по невозвратно уходящему, неизъяснимо прекрасному, неоценимо дорогому и незаменимо родному. Их песня метала душу и вместе с этим неудержимо увлекала, уносила ввысь, в бесконечность Божественной вечности. Тогда, когда не может быть места человеческому голосу, – царственная птица взывает к Богу...»

Флигель-адъютант Мордвинов: «...Я видел слезы у многих. Я чувствовал, что они пришли проводить не низложенного врага – Монарха, а покидавшего их своего природного, чтимого Царя... Этот русский народ не понимал всего свершившегося, но думал иначе, чем его думские представители и “русские” генералы...»

Т. Мельник-Боткина: «Один старенький полковник на следующий день после приезда Их Величеств [в Тобольск] надел полную парадную форму и в течение полчаса стоял, вытянувшись во фронт, под окнами дома Их Величеств».

Так было везде, на всех просторах огромной России. И в этом стоянии верных рядом с православными были иноверцы. Есть и такие свидетельства... В Тобольске местные татары, собравшись в один из своих праздничных дней во главе с муллой перед домом Узников, отслужили под открытым небом молебствие о Их здравии. За этим поступком стояли крепкие убеждения. Тобольский губернатор И.А. Ордовский-Танаевский вспоминал, что в марте 1917 г., ночью, к нему пришли человек 25 татар и сказали, что до них дошли слухи, что «нет больше Царя на Руси, что Царя, его Жену и Детей арестовали. Нас послали к вам. Собирайте Тобольскую губернию, ведите выручать Царя-Батюшку и Семью».

Говоря об этом феномене, П.С. Лопухин писал в 1939 г.: «Православный человек, с которым соприкасаются иные народы, носит в себе нечто привлекательное. В этой сущности Православия и православного человека и лежит основа русского империализма и умения присоединять к себе народы, не калеча их. Инородцы иногда, может быть, даже больше русских любили их идеалы, например, идею Белого Царя. Идею, конечно, чисто святорусскую».

Потрясает отношение к Царю православных арабов. «Не думайте, – говорил один палестинец, – что Русский

Царь был только русский. Нет, он был... покровитель и защитник Православного Востока. Пока Он жил, миллионы арабов жили в мире и безопасности». Другой человек написал: «На Него с упованием взирали не только православные арабы, но и мусульмане, зная, что

Русский Царь является для них гарантией мирной и благоденственной жизни. Когда на Ближний Восток дошла весть, что Царя убили, то в трех странах (Сирии, Ливане и Палестине) начались массовые самоубийства. Арабы уже тогда считали, что со смертью Царя Николая кончилась человеческая история, и что жизнь на земле потеряла всякий смысл».

Самоубийства достигли такого размаха, что встревоженные правительства начали предостерегать народы против «политического безумия». Арабский траур по Царю Николаю длился несколько лет...

В поезде солдаты, которых заботливо отобрал полковник Кобылинский, по-дружески болтали с Детями, на одной из остановок нарвали для Государыни букет васильков.

В Тюмени пересели на пароход. Пароходная компания хотела предоставить в распоряжение Семьи самый большой и современный пароход, но река Тобол в это время года мелеет, поэтому пришлось плыть на меньшем, но очень удобном пароходе «Русь». Совсем неслучайно, что судно с таким говорящим названием сыграет в последние месяцы жизни Семьи важную роль. 36 часов плавания подарили Семье иллюзию свободы и отдыха.

В Тобольск прибыли 6(19) августа. Город произвел благоприятное впечатление, а вечерний колокольный звон напомнил тот, которым встречали Царскую Семью в российских городах в прежние времена.

Тут же выяснилось, что в назначенный для пребывания Семьи губернаторский дом, пафосно названный «Домом свободы», переезжать нельзя: необходим ремонт.

Из дневника Государя: «...Дома, назначенные для нас и свиты... пустые, без всякой мебели, грязны... Поэтому остались на пароходе. Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещения и легли спать рано...» Сам-то Государь был полной противоположностью: солдат-охранник, наблюдавший, как Он вскапывает огород, воскликнул: «...Если ему дать кусок земли и чтобы он сам на нем работал, так он скоро опять всю Россию заработает».

Переселились в «Дом свободы» 13(26) августа. Через улицу, в доме купца Корнилова, разместились свита – Татищев, Боткин, Долгоруков, Шнейдер, Гендрикова, учитель английского языка Гиббс. Жильяр жил в губернаторском доме. Всего вместе с Семьей приехали 39 человек. Позже прибыли еще шестеро: фрейлина Буксгевден, камер-юнгфера Занотти, комнатные девушки Романова и Уткина и дети Боткина.

Режим первых недель в Тобольске был наиболее мягким за весь период заключения. Полковник Е.С. Кобылинский добился от Отрядного комитета, чтобы свита и прислуга свободно выходили из дома. «Никакого стеснения никому не было, но Августейшая Семья, конечно, в праве передвижения была ограничена».

Комендант не раз указывал на то, что Великие Княжны не находятся под арестом, и Им, добровольно присоединившимся к Родителям, наравне со свитой должна быть предоставлена большая свобода. Он даже надеялся, что Государю иногда разрешат ходить на охоту. Но в первый и последний раз Семье позволили выйти за пределы «Дома свободы» в день въезда, 26 августа. Они побывали на другой стороне улицы, в доме Корнилова, посмотрели, как устроились приближенные.

Впрочем, права и свободы свиты скоро стали приобретать декларативный характер. Солдатам надоело сопровождать придворных в их передвижениях по городу, хотя претензий на дальние и частые путешествия у них не было: генерал Татищев ходил только к зубному врачу, графиня Гендрикова выходила в город раза два в неделю и только Долгоруков гулял ежедневно.

Прогулки отменили. На бурном заседании Отрядного комитета, собравшегося по этому поводу, Кобылинский заявил, что нельзя ограничивать права иностранных подданных Жильяра и Гиббса. А если одним дать послабления, то нельзя обходить и других. Татьяна Боткина: «Мудрый комитет поддался на эту удочку и решил всем предоставить свободный выход без конвоя... на один час в неделю. Все недоумевали, почему они всего на один час станови-

лись безопасны для революционных властей, но решили не указывать комитету на странности его решений и подчинились, тем более что гулять одним хоть раз в неделю было приятнее, чем иметь, как выражался Гиббс: “this wretshed soldier in your back”¹».

И все же в Тобольске по сравнению с Царским Селом было спокойно, но, как пишет следователь Соколов, это «было сибирское спокойствие». Жизнь Семьи в обширном, живописно расположенном, богатом старинными церквями, богоугодными и учебными заведениями городе, была сужена до предела. Дом, двор, небольшой сад, одни и те же люди. Даже если Их приводили в церковь, туда не допускали народ. Из дневника Наследника от 22 ноября 1917 года: «Весь день прошел как вчера и так же скучно».

Государь читал, вел дневник, пилил дрова, работал в саду. Государыня читала, вышивала, рисовала. Дети усердно учились. Иногда ставились спектакли. Жильяр и Гиббс оказались талантливыми режиссерами, а в артистах перебивали почти все. Из дневника Государя: «28 января. Воскресенье... Отслужена обедница. Долго работал в саду. Погода, при 5° мороза, приятная. После обеда состоялся четвертый домашний спектакль. Ольга, Татьяна, Мария, Настенька Гендрикова и Татищев дружно сыграли “La Bete noire”».

«6-го декабря. Среда. Мои именины провели спокойно и не по примеру прежних лет. В 12 час. был отслужен молебен. Стрелки, бывшие в карауле, поздравили меня, а я их – с полковым праздником. Получил три именинных пирога и послал один из них караулу. Вечером Мария, Алексей и m. Gilliard сыграли очень дружно маленькую пьесу “Le fluide de John”; много смеху было».

Преподаватель русского языка и литературы П.В. Петров

Обедают приближенные вместе с Семьей. По вечерам, как правило, читают вслух. Государя сменяют Татищев, Боткин и князь Долгоруков. «Валя читал хорошо и внятно», – отметил в дневнике Государь.

Пока разрешалось, все писали письма.

«Дорогой Петр Васильевич. Пишу Вам уже третье письмо... Странно, что никаких известий от Вас не получаем. Сегодня 20 гр. мороза... Пока я Вам пишу, Желик читает газету,

---

¹ Этого проклятого солдата за спиной.

а Коля [Деревенко] рисует его портрет. Коля беснуется и поэтому он мешает писать Вам. Скоро обед. Нагорный Вам очень кланяется... Храни Вас Господь Бог! Ваш любящий Алексей» (письмо Цесаревича учителю русского языка).

К Рождеству Государыня и Великие Княжны приготовили для всех собственноручные подарки. Ее Величество потрескавшимися от холода руками, едва удерживающими спицы, связала служащим шерстяные жилеты, которые их очень обрадовали. Зимой дом сильно выстывал, дров, чтобы протопить его основательно, не хватало. Нередко температура не поднималась выше +7. Семья и домочадцы надевали валенки и всю теплую одежду, какую могли найти.

Посторонних в «Дом свободы» не допускали. Исключение сделали для дантиста, доктора С.С. Кострицкого, который приехал к своим пациентам из Крыма, окулиста, приходившего к Императрице, и сына доктора Деревенко Коли, лучшего друга Цесаревича.

В Рождество на елку в губернаторский дом не пустили детей доктора Боткина и баронессу Буксгевден. В утешение Государыня послала им маленькие елки, украшенные ею лично. А для приехавшей с баронессой старой гувернантки-англичанки нарисовала ветку омелы в память об английском Рождестве и в записке просила мисс Мозэр принять «этот скромный подарок от дочери <ее> соотечественницы».

Жильяр писал о том, как им не хватает новостей из России. Но когда приходила почта, новости чаще всего становились источником новых переживаний.

Из дневника Государя: «Среда. 8/21 февраля. Та же неизменно-прекрасная погода с теплым солнцем и поразительной яркой луной по ночам. Судя по телеграммам, война с Германией возобновлена, так как срок перемирия истек, а на фронте, кажется, у нас ничего нет; армия демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля! Позор и ужас!»

Государь заметно осунулся, побледнел. Скорбное выражение, вызванное развалом армии и фронта, уже не покидало Его лица.

14 сентября в Тобольск на смену П.М. Макарову прибыл комиссар В.С. Панкратов с помощником Никольским. Кобылинский, перешедший в его подчинение, отзывался о нем как человеку умном, развитом, замечательно мягком. Жильяр увидел в нем тип образованного сектанта-фанатика, по природе доброго и мягкого, а его помощника охарактеризовал без оценок: «Настоящее животное». До отъезда из Тобольска Никольский, не жалея сил, будет стараться соответствовать этому определению.

Из дневника Государя: «1 сентября. Новый комиссар от Временного правительства Панкратов на вид рабочий или бедный учитель. Он будет цензором нашей переписки».

Бедный, добрый, развитый Панкратов, окончив свою службу при Августейших Ссылных, напишет книжицу, в которой с «природной мягкостью», снисходительно обрисует Семью, пожурит Государя, посетует на ограниченность Государыни и укажет на непростительные недостатки воспитания и образования Августейших Детей.

Двигается к концу 17-й год, с каждым днем меняется политическая обстановка в стране. Власть уплывает из рук Временного правительства, и, в сравнении с собственными проблемами, безмятежная жизнь Узников волнует его меньше всего. Караулу не выплачивается обещанное Керенским усиленное довольствие, и обстановка в «Доме свободы» накаляется. Чтобы не подвергаться оскорблениям и хамству, Государь и Дети, по совету Кобылинского, стали избегать встреч с солдатами.

Кобылинский: «Когда мы уезжали из Царского, Керенский сказал мне: “Не забывайте, что это бывший Император. Ни Он, ни Семья ни в чем не должны испытывать лишений”».

Кобылинский об этом никогда и не забывал, а вот Керенский не намерен был помнить, хотя на следствии он утверждал: «Конечно, Временное правительство принимало на себя содержание Семьи и всех, кто разделял с ней заключение. О том, что они терпели нужду в деньгах, мне никто не докладывал». Этому заявлению цена такая же, как сказанному им раньше:

«С того момента, когда Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства, я считал себя обязанным по долгу чести оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей в обращении с Ней черты джентльменства». «Долг чести» Керенского – фигура чисто риторическая.

Несмотря на растущие финансовые трудности, Александра Феодоровна отправляла посылки с продуктами друзьям, голодавшим в Царском и Петрограде. Наконец, в один далеко не прекрасный день, повар Харитонов сообщил Кобылинскому, что торговцы в кредит больше не отпускают. Личные средства, с которыми Семья приехала в Тобольск, были полностью истрачены. Положение становилось критическим. Императрица, князь Долгоруков и Пьер Жильяр (практичный швейцарец), обсудив ситуацию, решили вместе заняться организацией домашнего хозяйства и растянуть на возможно больший срок деньги, которые собрал и сумел передать Семье граф Бенкендорф. Семья урезала расходы до минимума, часть прислуги была уволена. Им дали средства, чтобы добраться до Петрограда. Оставшимся слугам уменьшили жалованье. Придворные начали оплачивать кухонные счета. Долгоруков и Татищев, по соглашению с Кобылинским, подписали векселя городским купцам.

После Октябрьского переворота занимать стало не у кого.

«28 октября. 2-я революция. Временное правительство выслали. Большевики с Лениным и Троцким во главе... в Смольном. Очень пострадал Зимний дворец (из дневника Государыни).

Новые правители с презрением выбросили фиговые листки приличий, которыми стыдливо прикрывались «временные». 25 февраля 1918 г. они объявили, что, так и быть, согласны обеспечить гражданину Романову крышу над головой, отопление, свет, солдатский паек. А уж остальные расходы, извините, их не касаются.

Из дневника Государя: «14/27 февраля. Среда. Все последние дни мы были заняты высчитыванием того минимума, который позволит сводить концы с концами».

Государю выдали продовольственную карточку за № 54 и приказали ее заполнить. Карточка сохранилась, в графе «звание» стоит: «Экс-император», улица – «Свободы», состав семьи – «Семь».

Правила пользования ею предписывалось строго соблюдать:

1. Владелец карточки получает продукты только при предъявлении ее в городской лавке или лавке кооператива «Самосознание».

2. В случае утраты карточки владелец лишается права на получение дубликата, если официальными данными не докажет утрату.

3. Нормы выдачи продуктов и цены вывешены в лавках.

4. Передача карточки другому лицу воспрещается.

Два-три раза Семью выручили анонимные пожертвования. Присылались продукты из Иоанновского монастыря.

Но Они были вместе, духовно едины и потому – сильны. Из письма Государыни А.В. Сыробоярскому от 23 мая: «Всегда надо надеяться. Господь так велик, и надо молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину... Вы видите, мы веру не потеряли, надеюсь никогда не потерять, она одна силы дает, крепость духа, чтобы все перенести. И за все надо благодарить...»

Жалоб и отчаяния со стороны Семьи не было в Царском, нет в Тобольске, не будет и в Екатеринбурге. «Он [Государь] прямо поразителен. Такая крепость духа, хотя Он бесконечно страдает за страну, но я поражаюсь, глядя на него. Все остальные члены семьи такие храбрые и никогда не жалуются... Маленький – ангел» (из письма Государыни от 10 декабря 1917 г. к Вырубовой).

Сама Государыня поднимается на высоты духа, неподвластные ничьим козням – ни дьявольским, ни человеческим: «Во всем воля Божия; чем глубже смотришь, тем яснее пони-

маешь. Ведь скорби для спасения посланы... иногда попускаются для измерения смирения и веры, иной раз для примера другим. А из этого надо себе выгоды искать и душевно расти...» (от 10 апреля 1918 г. к Вырубовой).

1 апреля 1918 года состоялось заседание ЦИК большевиков, целиком посвященное Отряду особого назначения и охране Тобольских Ссыльных. Один из вопросов, которые решали Свердлов, Спиридонова, Аванесов и др., имел непосредственное отношение к свите. В протоколе заседания было записано: «Усилить надзор над арестованными, а граждан Долгорукова, Татищева и Тендрякову считать арестованными и, впредь до особого распоряжения, предложить учителю английского языка или жить вместе с арестованными, или же прекратить сношения с ними». «Что ни день, то новый сюрприз!», – восклицает Государь.

Полковнику Кобылинскому было приказано арестовать и перевести в «Дом свободы» генерала Татищева, князя Долгорукова и графиню Гендрикову. «13 апреля. Все жившие в доме Корнилова переехали к нам. Только доктора Боткин и Деревенко оставлены на свободе» (из дневника Жильяра).

Императрица прозревает значение этих перемен: «Несмотря на приближение бури, в наших душах царят мир и покой. Что бы там ни случилось – на все воля Божья. Слава Богу, хоть мальчику немного лучше». Алексей Николаевич заразился коклюшем от Коли Деревенко. Из-за кашля порвался кровеносный сосуд, вызвавший сильное внутреннее кровоизлияние. Императрица день и ночь не отходила от постели Цесаревича.

23 апреля на смену Панкратову прибыл комиссар Яковлев. И сразу искоренил упущение: арестовал «недоарестованных» врачей.

Настоящим ударом стало заявление Яковлева, что он срочно должен вывезти всю Семью в Москву. Это было нереально: Алексей Николаевич снова «день и ночь так невыразимо страдает, что никто из родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдержать ухода за ним. Моих утасаживающих сил тоже не хватает... Преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и, в особенности, воспитатель г-н Жильяр... чтением и переменой впечатлений отвлекают больного от его страданий, облегчая ему их и давая родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами...» (из письма доктора Боткина в Екатеринбургский совет).

В тяжелейший для Августейших Родителей момент Семье пришлось разделить. Приняв решение ехать с Государем, Государыня говорила Жильяру: «...Царь им необходим... Они хорошо понимают, что один он воплощает в себе Россию... Вдвоем мы будем сильнее сопротивляться, и я должна быть рядом с ним в этом испытании... Но мальчик так болен... Боже мой, какая ужасная пытка!»

Камер-юнгфера Тутельберг: «Государыня перед отъездом убивалась страшно. Она сказала: “Вы знаете, что такое для меня сын. А мне приходится выбирать между сыном и мужем. Но я решила, и надо быть твердой. Я должна оставить мальчика и разделить жизнь или смерть мужа”».

Сестры решили, что с Родителями поедет Мария Николаевна. Ольга Николаевна возьмет на себя заботы по дому, а Татьяна Николаевна присмотрит за братом.

Государя сопровождал князь Долгоруков. Доктор Боткин, не говоря ни слова, принес хорошо знакомый всем черный чемоданчик. На вопрос, зачем он ему понадобился, доктор ответил, что поскольку он едет со своим пациентом (доктор имел в виду Императрицу), то ему могут понадобиться медикаменты.

При прощании лица Великих Княжон опухли от слез, приближенные боялись, что если у кого-нибудь одного сдадут нервы, не выдержат и все остальные. А «Государь и Государыня были серьезны и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях Своих, потребует этого для спасения

страны. Никогда они не проявляли к нам больше доброты и заботливости. Та великая духовная ясность и поразительная вера, которой они проникнуты, передаются и нам» (Жильяр).

Кобылинский был настроен оптимистично: у него создалось впечатление, что Яковлев не испытывает вражды к Императору, и, более того, старается Его спасти. Генерал Татищев радужных надежд не разделял. По его мнению, наступал самый серьезный кризис из всех, через которые когда-либо проходила Семья (дальнейшие события подтвердили прозорливость подчас наивного генерала).

Судя по письмам Ильи Сергеевича Татищева из Тобольска, он не сомневался в неминуемой смерти своей и Царственных Узников. Это предчувствие было, как он пишет, у всех, кроме Алексея Николаевича и двух младших Великих Княжон. Вслух об этом не говорили, но когда Мария или Анастасия Николаевны мечтали о жизни в Крыму после освобождения, Их старшие Сестры переводили разговор.

В ночь на 26 апреля Государь, Государыня, Великая Княжна Мария Николаевна, доктор Боткин, князь Долгоруков, а также служащие А. Демидова, И. Седнев, Т.И. Чемодуров выехали в Екатеринбург.

Повозки подали крестьянские, даже без сидений, единственный крытый возок выискали для Государыни. Доктор Боткин решительно заявил, что Ее Величество не может путешествовать в таких условиях. Тогда на дно тарантаса настелили соломы, сверху положили пледы, а на них бросили несколько подушек. Доктор Боткин ехал в заячем тулупчике князя Долгорукова. Каким неожиданно-вечным символом милосердия стал этот «заячий тулупчик»! Огромному доктору он, вероятно, был так же мал, как и известному персонажу Пушкина. В доху доктора закутали Государыню и Марию Николаевну, у которых нашлись только легкие шубки. Комиссар Яковлев, увидев Государя в солдатской шинели, кинулся в дом, снял с вешалки пальто и положил его в тележку, сказав: «Если сейчас не нужно, то пригодится в дороге».

Татьяна Мельник-Боткина: «Я посмотрела в сторону дома. Там, на крыльце, стояли три фигуры в серых костюмах и долго смотрели вдаль, потом повернулись и медленно, одна за другой пошли в дом». Горько плачущий русский мальчик, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, и оставшийся с ним по просьбе Государыни Жильяр слышали, как загрохотали экипажи и как, рыдая, возвращались к себе Великие Княжны, три несчастные русские девочки.

Снег уже таял. Ожидали, что с часу на час тронется Иртыш. Лед на реках опасно трещал.

Из дневника Государя: «13 апреля. В четыре часа утра простились с дорогими детьми... Погода была холодная, дорога очень тяжелая и страшно тряская от подмерзшей колеи. Переехали Иртыш через довольно глубокую воду, имели четыре переправки...» Во время остановки Великая Княжна выходила из повозки и долго растирала пальцы, прежде чем они обретали какую-то подвижность.

Из дневника Государыни: «Устала смертельно. Голова разламывается». На следующий день Она отказалась переезжать реку по воде. Из села принесли доски, устроили кладки и воду перешли по доскам. В одном месте Государь шел по колено в ледяной воде, неся Александру Феодоровну на руках.

Опасное и мучительное путешествие Императорской Четы открыло для Царской Семьи третий и последний этап на Их пути к мученичеству. Дом Ипатьева – завершающая точка трагедии – уже ждал...

Через несколько дней после отъезда Их Величеств, 1/14 мая, сменили отряд охраны, прибывший с Семьей из Царского. Официальным главой нового отряда, состоявшего из 72-х краснотельцев, почти сплошь латышей, дерзость которых, по словам Жильяра, превосходила всякое воображение, стал матрос Хохряков. А истинным начальником «Дома свободы» стал их командир Родионов, жестокий и злобный (один из убийц генерала Духонина). Полковник Кобылинский: «Морда у него какая-то “бабская”, с ехидной улыбкой. В нем чувствовался

жестокий зверь, но зверь хитрый». Полковник Кобылинский, хотя числился еще комендантом, фактической власти уже не имел.

20 мая в 11 часов дня Августейшие Дети, свита, служащие и 13 слуг уезжают в Екатеринбург.

При отъезде конвой полностью разграбил оба дома и даже присвоил лошадь с экипажем, присланную архиепископом Гермогеном с целью отвезти Детей на пристань.

Едва пароход, все та же «Русь», отчалил, солдаты подняли стрельбу из пулеметов. Хохряков даже спустился в каюту к Цесаревичу, чтобы успокоить Его.

В Тюмени местные большевики намеревались арестовать всех прибывших из Тобольска. Только после долгих переговоров Дети и свита смогли покинуть пароход и пересест в поезд.

Слуги и наставники Цесаревича ехали отдельно, в вагоне 4-го класса. Камердинер А.А. Волков успел передать в вагон Детей и свиты, оставшихся без продуктов, бутылку молока для Цесаревича и немного холодной телятины, иначе они голодали бы два дня.

Вагон Детей был неопишимо грязен. Солдаты, заметив отвращение Узников, постарались превратить его в полное непотребство. Двери купе приказали держать открытыми. Внутри разместились часовые. Большой Цесаревич скучал по Жильяру и остро переживал унижительность положения, в котором они очутились.

«10(23) мая. Четверг... Наконец они прибыли... Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности.... Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске и в течение трехдневного пути...» (из дневника Государя).

В ночь приезда Цесаревич упал во сне с кровати и разбил колено. Прежде чем допустить к нему доктора Деревенко, комиссар Авдеев, под угрозой запрещения дальнейших визитов, взял у него обещание говорить с Семей только на медицинские темы. Доктор вынужденно держал слово, и потому, когда Государыня спросила о придворных, в ответ только развел руками. Государыня восприняла этот жест как знак того, что они расстреляны, и разрыдалась. Оставшиеся в живых придворные так и не поняли, узнала ли Она впоследствии, как на самом деле распорядились свитой.

А распорядились следующим образом: следом за Детями увезли Гендрикову, Шнейдер, Волкова, Харитонову и Леню Седнева. Остальным комиссары объявили: «Вы нам не нужны», приказали покинуть пределы Пермской губернии и вернуться в Тобольск.

Несмотря на приказ, Жильяр, Гиббс, Теглева, Эрсберг и Буксгевден оставались в Екатеринбурге около десяти дней, так как поезда не ходили. Их вагон отвели на запасные пути, где уже скопилось до 35 тыс. беженцев, хворавших и умиравших в невероятной грязи. Они часто ходили в город, чтобы повидаться с доктором Деревенко и узнать что-либо о Семей. В начале июня их отправили в Тюмень, где они жили очень бедно и скудно. И где дождались белых.

Из увезенных вслед за Детями приближенных и служащих двоих – повара Харитонову и Леню Седнева – доставили в Ипатьевский дом. Остальных отправили в тюрьму.

Граф Илья Леонидович Татищев, Пьер Жильяр, князь Василий Александрович Долгоруков, Екатерина Адольфовна Шнейдер, графиня Анастасия Васильевна Гендрикова

Когда Волков с Татищевым шли по коридору, из одной камеры крикнули: «Кого ведут?» Татищев ответил: «Из Тобольска». В ответ донеслось: «Понимаем». На другой день к ним посадили Чемодурова, который заболел и был отпущен Государем на родину. Комиссары пообещали отвезти его на вокзал, но, четко следуя своим принципам, обманули, – привезли в тюрьму. Через несколько дней привезли и почти сразу расстреляли матросов Нагорного и Седнева.

10 июля недалеко от тюрьмы, на кладбище, расстреляли Татищева и Долгорукова.

Когда началось наступление белых, уголовных преступников и некоторых заложников выпустили. Волкова, Тендрякову и Шнейдер 20 июля перевезли в Пермь. В тамошней тюрьме они узнали об убийстве Государя.

В ночь на 4 сентября Гендрикову и Шнейдер убили. Волкову чудом удалось спастись.

В доме Ипатьева с семьей остались доктор Евгений Сергеевич Боткин, комнатная девушка Анна Степановна Демидова, повар Иван Михайлович Харитонов, лакей Алексей Егорович Трупп и поваренок Леня Седнев, друг Наследника.

Дом Ипатьева, или ДОН (Дом Особого Назначения), двухэтажный, с небольшим узким двором, вымощенным черными плитами. Позади – маленькая терраса с выходом в сад, тоже узкий, в котором росли пирамидальная ель, несколько тополей, лип и кустов сирени, покрытых густой пылью, летевшей с улиц.

Еще в день прибытия Их Величеств в Екатеринбург 17(30) апреля на имя Председателя Уралсовета Белобородова пришла телеграмма. Отправитель, Свердлов, торопился вбить в головы подчиненных: «Предлагаю содержать Николая Романова самым строгим порядком... Сообщить подробности условий нового содержания».

Указания сверху выполнялись и даже перевыполнялись. Режим жизни Узников соответствовал тюремному. Помимо этого, охранники, садисты и уголовники, были уверены, что их патологические наклонности не только не станут препятствием для несения службы, но встретят полное понимание и одобрение начальства.

Из дневника Государя: «18 апреля. В садик выйти не позволили... Водопровод не действует. Это скучно, т. к. чувство чистоплотности у меня страдало... Дышал воздухом в открытую форточку...»

Из дневника Государыни: «14/27 июня, четверг... Снова от Уральского совета проверяют комнаты, не разрешают открывать еще одно окно, поэтому Харитонов и маленький Седнев будут спать в комнате Бэби, там не так жарко, как в их комнате рядом с кухней. Жара страшная... Почти не спала...

15/28 июня, пятница. В 8.30 в комнате уже 23,5, позднее 24. Плела кружева... Все раньше пошли спать из-за усталости и жары – в комнате 24,5. Утром на солнце 30 градусов... Не разрешают сидеть даже на подоконнике».

Доктор Боткин добивался позволения для Нее и Алексея Николаевича сидеть на балконе. Не добился, несмотря на то, что высокий двойной забор скрывал от улицы дом. А непосредственно на балконе располагались два вооруженных красногвардейца с пулеметом.

В последующие годы книги и статьи будут расписывать гуманность властей и льготное житье Узников. Но сохранилась «Книга записей дежурств членов Отряда особого назначения по охране Николая II 13 мая – 11 июля 1918 г.». Лаконичные строки в ней не перепишешь – их авторы сами свидетельствуют против себя.

«15 мая. Дежурство. Комендант Сидоров.

В моем дежурстве происшествий никаких не произошло. Вышеизложенные лица, находящиеся под моим ведением, были сданы полностью. Были замазаны краской окна».

Из дневника Государыни: «15 мая... Было сказано не выходить из дома этим утром. Старик покрасил белой краской все окна снаружи, так что только сверху можно видеть кусочек неба, и это выглядит, будто мы в толстом слое тумана, не совсем уютно».

«20 мая.

Просяба Николая Романова, бывшего царя, дать ему работу: вычистить мусор из сада, пилить или колоть дрова».

Государь очень страдал из-за недостатка физических упражнений.

«3 июня.

На посту № 9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя затвор на предохранитель, пуля прошла в потолок и застряла, не причинив никакого вреда».

На втором этаже жила Семья и служащие.

«10 июня.

Обычная прогулка семьи Романовых, заявление Николая Романова об открытии окон для проветривания помещения, в чем было ему отказано».

Из дневника Государя: «Погода тропическая, 26° в тени, а в комнатах 24°, даже трудно выдержать! Теперь уже и в форточку не подышишь...»

«13 июня.

Обычная прогулка семьи Романовых была отменена. Доктор Деревенко принят не был».

Комиссар Дома, Авдеев, и его «совершенно непристойные» подчиненные, «грубые, распоясанные, с наглыми ухватками, возбуждали ужас и отвращение».

Они пьянствуют, воруют вещи, сокращают прогулку до 15–20 минут в день, заставляют Княжон играть на пианино, сопровождают Их в уборную, якобы для караула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.